

Игра закончилась. Команда организаторов подсчитывала монеты. Е Цинлань и его команда собрались вместе, деля добычу с энтузиазмом.

«Вот так, все монеты из последнего раунда достаются вам, а наши удвоенные раздадим вам четверым...»

Счётчик щёлкал, щёлкал, а Цун Цзиньюэ больше не мог сдерживаться. Он подошёл к ним с печальным выражением:

— Эй, вы хотя бы избегайте участников, о которых идёт речь! Особенно ты, учитель Е, разве это правильно?

Сун Юфэй тут же подхватил:

— Верно! Как не верно? Учитель Цун, вы с учителем Чжан слишком сильные, нужно немного ослабить.

Инициатор раздела — Е — кивнул с видом полного согласия.

Цун и Чжан Хуайсю: «...»

Ну вот, только привыкли.

Итоги подсчёта монет:

Ци и Цзи: 572 очка

Чжан и Цун: 692 очка

Сун и Е: 700 очков

Как только деньги оказались на руках, Е Цинлань быстро передал часть своей команды Ци Яню и Цзи Шиньяню.

После обсуждения решили выйти поесть, а потом сходить в супермаркет за продуктами.

Ци Янь предложил:

— У всех примерно одинаково денег, кроме продуктов, как насчёт того, чтобы каждый купил немного закусок и фруктов?

Все согласились.

После еды Цун Цзиньюэ и Чжан Хуайсю зашли в супермаркет. Купили продукты и немного закусок.

Цун обычно почти не ест сладкого, но блуждание среди ярких полок с закусками казалось ему новым опытом. Он толкал тележку, а Чжан шёл за ним, будто ему это не касалось.

Когда Цун долго изучал состав на упаковке одной закуски, Чжан не выдержал:

— Если хочешь, просто бери уже, быстрее.

Цун не обиделся, заметил пакет с необычным вкусом:

— Учитель Чжан, чипсы со вкусом улиточного супа? Пробовали?

Он посмотрел на Чжана, который стоял стройно среди разноцветных упаковок, слишком серьёзно для такой сцены.

Цун представил себе Чжана с холодным лицом, сидящего за прилавком с улиточным супом, весь в поту, вытирающегося салфеткой, и рассмеялся.

— На днях попробуем вместе? — игриво предложил он.

Чжан: «...»

— Сумасшедший...

Он не стал обращать внимания, спокойно шагнул вперёд и, проходя мимо полки, схватил пакет вяленых слив и положил в руки Цуна, словно говоря: «Всё в порядке?»

Цун почувствовал радость, положил чипсы обратно, оставив только сливы.

Вернувшись в особняк, Е Цинлань и Сун Юфэй купили большой двухцветный торт. Половина — кремовая, половина — синий и фиолетовый.

Все устроились на диване, достали карты и собрались на новый раунд. Цун и Е наблюдали. Е разрезал торт и раздал всем куски.

Когда тарелки с тортом поставили на стол, Чжан Хуайсю был погружён в игру, и вдруг знакомая рука сзади потянулась к его тарелке.

Он мгновенно поднял локоть, блокируя руку, и увидел Цуна с его хитрой улыбкой.

— Что ты делаешь? — холодно спросил Чжан.

Цун с улыбкой:

— Мне нравится твой кусок фрукта, мой ещё нетронут, хочу поменяться.

— Нет, — с прищуром, Чжан защищал свой кусок.

— Ешь мой, мне лень резать, — Цун подтолкнул другой кусок.

Рядом кто-то: «Учитель Чжан, ваш ход...»

Чжан устало сыграл карту, игнорируя Цуна. Тот, видя, что терпение на исходе, наклонился и тихо шепнул на ухо Чжану:

— Не говори, что я не предупредил: в этом торте есть манго.

Тёплый воздух едва коснулся уха Чжана, но слова заставили его замереть.

Рядом снова: «Учитель Чжан, ваш ход...»

Цун доволен мгновенной реакцией Чжана, спокойно встаёт и перехватывает его кусок.

Е замечает и удивлённо спрашивает:

— Цун, там ещё...

Цун уже пробует кусок с манго, наслаждаясь вкусом и улыбаясь.

— Хм, вкусно.

После карт Чжан невнимателен. Все умылись и пошли по комнатам. Он с книгой остался в гостиной на первом этаже, но взгляд не задерживался на тексте. Когда Цун поднялся по лестнице после воды, Чжан тоже встал и пошёл следом.

В коридоре Цун остановился у двери и повернулся. Чжан тоже остановился в нескольких шагах, колеблясь.

Цун усмехнулся, скрестив руки:

— Учитель Чжан, что случилось? Почему за мной следуешь?

Чжан, нахмутив брови:

— Я... иду в комнату.

Он сделал шаг, коснувшись замка, но остановился. Тёплый свет коридора подчеркнул его высокий нос, и, повернувшись, он сказал тихо:

— Как ты узнал, что у меня аллергия на манго?

Он никогда не говорил об этом публично и уж тем более не делился с Цуном.

Цун слегка приподнял бровь, усмехнувшись про себя: наконец-то, всю ночь держал это в себе, а теперь спрашивает?

— Потому что я... тайно в тебя влюблён.

Чжан был потрясён, долго не мог говорить. Шок, недоверие и раздражение смешались.

Цун наслаждался этой реакцией:

— Догадываюсь, ты сейчас думаешь, что я сумасшедший.

Чжан: «...»

Он замолчал, понимая, что Цун лишь подшучивает.

— Ладно, не будем говорить, — коротко бросил Чжан и собрался открыть дверь.

Цун прервал его:

— Если скажешь, ты опять расстроишься.

Чжан посмотрел с резким взглядом:

— Почему я буду расстроен?

— Кто знает? — пожал плечами Цун. — Может, ты не хочешь, чтобы твой соперник знал твои слабости, или стыдно, что тебя застали в медпункте после того, как ты съел чужую пиццу...

Чжан задержал дыхание.

Воспоминания нахлынули.

Третий курс, актёрский факультет, репетиционная.

Группа из двадцати человек репетировала почти с шести утра до семи вечера, все измотаны и голодны.

Во время перерыва дверь открылась. Вошёл Шэнь Син, парень Цуна, с несколькими коробками пиццы.

— Все старались, наверняка проголодались, взял пиццу.

Он подошёл к Цуну, аккуратно протёр ему лоб салфеткой.

— Какая заботливая жена! — засмеялся кто-то.

Чжан, голодный и расстроенный, взял кусок пиццы с манго. Сильная аллергическая реакция ударила мгновенно — лицо покраснело, пришлось бежать к мусорному ведру.

Цун наблюдал за этим издали, слегка презрительно.

После репетиции Шэнь ушёл раньше.

Чжан пошёл в медпункт за антигистамином, а Цун зашёл за лекарством от простуды.

Медсестра медленно искала лекарства. Цун заметил запись: «Мой друг, аллергия на манго, хлорфенирамин».

С холодным воздухом от кондиционера Цун чихнул и попросил:

— Пожалуйста, побыстрее, не хочу простудиться.

Чжан понял, что Цун всё предугадал. Коридор был ослепительно светлый, и ему стало неловко — быть замеченным соперником в таком состоянии очень стыдно.

Цун заметил, что Чжан отводит взгляд, губы сжаты, глаза слегка краснеют. Он подумал: не заплачет ли он сейчас?

Чжан, однако, не заплакал, а холодно поблагодарил Цуна за предупреждение.

Цун удивился, понял, что Чжан благодарит.

Человек открыл дверь, вода закапала, дверь закрылась, оставив только звук замка.

Цун смотрел на закрытую дверь с лёгким сожалением — не знал, сожалеть ли о том, что сделал, или что не сказал всё и позволил уйти.

Он хотел сказать:

— Учитель Чжан, я на самом деле хороший человек, не такой злой, как ты думаешь.

Или:

— Учитель Чжан, спокойной ночи.

<http://bllate.org/book/12072/1079968>